

люди искусства

НЕПРОТОРЕННОЙ ТРОПОЙ

Юлия ЧУРКО,

доктор искусствоведения, профессор

Главный балетмейстер Большого театра оперы и балета Белорусской ССР и народный артист республики Валентин Елизарьев принадлежит к числу художников, творчество которых самым тесным образом связано со своим временем. Уже первая серьезная работа студента балетмейстерского отделения Ленинградской консерватории «Поэма» на музыку А. Петрова (вошедшая в репертуар коллектива, ныне называемого Московский классический балет) воспевала патриотизм и мужество наших воинов в годы Великой Отечественной войны. И позже, когда он стал работать в Белорусском театре оперы и балета, именно нацеленность на современность отличала спектакли, поставленные Елизарьевым. Отличала независимо от того, рассказывали они о восстаниях рабов в Древнем Риме, библейскую легенду об Адаме и Еве или о событиях, происходящих во Фландрии XVI столетия.

«Я ставлю спектакли о своем времени», — сказал балетмейстер в одном из интервью. Верность этих слов невольно оцениваешь, когда видишь, как легко перебрасываются мосты в его постановках между прошлым и настоящим, как из исторического, литературного, мифологического сюжета постепенно выкристаллизовывается облик идей, актуальных для нашего времени.

Стремление решить сложную художественную задачу диктовало выбор средств выразительности. Постепенно от спектакля к спектаклю складывались определенные творческие принципы хореографа. Так, обращение к общезвестным сюжетам, характерное для Елизарьева, позволяет не только показать связь различных эпох, их общность, но и дать этим сюжетам оригинальную трактовку. Используемый здесь хореографом своеобразный «эффект остраения», когда прошлое повергается современной, легенда — реальностью, дает ему возможность четко выявить то новое, что внесло в осмысление культурного наследия наше время.

Своеобразием отличается и драматургия балетов Елизарьева, либретто которых он чаще всего пишет сам. Хореограф не проследивает течение жизни во всех реальных ее формах. Не сюжетная последовательность, а логика сочетания различных сцен и эпизодов — кульминационных, переломных в судьбах героев является основой драматургического строения его спектаклей. Стремясь постичь глубинный смысл происходящего, обнажить те мощные силы, те исторические, социальные закономерности, которые стоят за конкретными событиями и отдельными людьми, хореограф очищает основной конфликт

произведения от ненужных ему подробностей.

В балете Е. Глебова «Тиль Уленшпигель», скажем, постановщик отказывается даже от, казалось бы, важного в романе Шарля де Костера образа отца Тилиа Клааса, ибо Тиль в трактовке Елизарьева и исполнителя роли Ю. Трояна прежде всего сын своего народа. Балетмейстер интересуется не столько личный повод, заставивший Тилиа вступить на путь мщения, сколько логическая неизбежность, приведшая угнетенный народ к борьбе против поработителей. Елизарьев убирает и из своего «Спартак» образ Эгны, поскольку не хочет видеть во вмешательстве куртизанки одну из причин гибели восставших «гладнаторов». Он стремится показать в балете то противоречие между исторически необходимым требованием и практической возможностью его осуществления, о котором как о причине поражения народных восстаний писал Фридрих Энгельс.

Еще один художественный принцип, постоянно «работающий» в спектаклях Елизарьева, — это многозначность, многомерность хореографических образов. В одном пластическом тексте у него часто кроется как бы несколько подтекстов, и зрителям приходится активно размышлять о происходящем на сцене, разгадывать второе, а то и третье, четвертое значение увиденного. Елизарьев рассчитывает на подготовленного и думающего зрителя, умеющего быть своеобразным соавтором хореографа, способного мыслить ассоциациями, сопоставлять, проводить параллели. К месту сказать, балеты Елизарьева нашли в республике или, возможно, воспитали свою аудиторию, до отказа заполняющую зрительный зал, чутко и заинтересованно следящую за мыслью постановщика. Он ищет контакта — стремится вовлечь в круг своих мыслей, выступает в роли страстного агитатора.

Поставленные перед собой сложные творческие задачи хореографу, очевидно, не удалось бы решать столь художественно полноценно, если бы он не пользовался в полной мере выразительными возможностями других слагаемых спектакля — музыки, актерского мастерства и в особенности сценографии. Художник Евгений Лысик, в творческом содружестве с которым рождаются все спектакли Елизарьева на белорусской сцене, выступает не только, а вернее, не столько как художник-оформитель, сколько как полноправный соавтор спектакля, творческая мысль которого часто уточняет и углубляет сказанное композитором и хореографом. Распахивая, скажем, небо Фландрии до размеров Вселенной, вписыва-

вая маленькую страну Тилиа в большой земной шар, то опоясанный цветами, то обнаживший обгорелый скелет своих параллелей и меридианов, художник недвусмысленно говорит о том, что создатели «Тилиа» трактуют его тему значительно шире, чем рассказ о борьбе нидерландского народа в XVI веке, осмысливают ее как проблему, имеющую отношение и к нашей эпохе.

Балетное искусство долго считалось по преимуществу «миром чувств». Рассудочность, философичность противопоставлены балету, несут ему гибель — писали балетоведы даже сравнительно недавно. «Балет — искусство мысли» — столь же уверенно заявляет сегодня хореограф Елизарьев и подтверждает это своими спектаклями.

Взросший рационализм, усложнение идейно-художественных концепций и выразительных средств, которыми отмечена ныне вся художественная атмосфера, все громче заявляют о себе и в балете. Подобно всему искусству, хореография испытывает ныне влияние научно-технической революции, является свидетелем социальных бурь, переживает последствия перемен в духовном мире человека. В творчестве Елизарьева, как и некоторых других советских хореографов, выкристаллизовываются пока еще не осмысленные нами полностью черты нового интеллектуального, философского балетного спектакля. Балет стремится шагать в ногу со своим временем, откликаться на самые серьезные и болезненные вопросы действительности.

Но это лишь одна из характерных особенностей его творческой индивидуальности. Есть в ней и другие грани. Так, Елизарьев известен как художник ярко эмоциональный, наделенный светлым и поэтическим мироощущением, тонкий лирик, неистово изобретательный мастер возвышенных дуэтов. Вечными символами жизнеутверждающей красоты и всепобеждающей женственности воспринимаются созданные им образы Евы, Фригии... Но и в сфере этих эмоций хореограф, как правило, не идет проторенными тропами. И здесь он предлагает новое, современное видение эстетического в балете, фиксирует наши изменившиеся представления о красоте. Каждое новое поколение, как известно, вносит свои модификации в эстетические идеалы, корректирует их в соответствии со своими взглядами и мироощущением.

Как и другие его коллеги-хореографы, Елизарьев не приемлет слащавой красоты, бездумной развлекательности. Он ощущает определенную девальвацию красивых движений и поз, которые за многие десятилетия существования на балетной сцене в значительной мере потеряли свою первичную силу. Балетмейстер ищет и находит новые «слова», и словно сдирает «засохшую корку» с балетных канонов, обнажая то, что и сегодня кажется нам в них истинно прекрасным.

Правда, борясь против балетной рутинности, хореограф иногда делает это с прямолинейной резкостью, доводя свои принципы до крайности, дерзко трансформируя движения и позы, перегружая пластику танцевальными метафорами и иносказаниями, которые просто не успевают дойти до зрителя. Хореограф словно специально дает пищу для упреков, не желая, как правило, идти ни на какие компромиссы, смягчать, убирать или заменять ту танцевальную фразу или решение, которые не воспринимаются строгими ревнителями балетных норм и устоев. В этом видится на первый взгляд запальчивость молодости (Валентину Елизарьеву лишь немногим более тридцати), полемическая неосмотрительность увлекающегося творца. Но при ближайшем рассмотрении, при проверке огнем критики (не всегда, к сожалению, доброжелательной и справедливой) обнаруживается стойкость борца, убежденность художника, уверенного в своей правоте. Максимализм оказывается принципиальной позицией, от которой балетмейстер не отступает, как бы трудно это ему ни давалось.

Валентин Елизарьев чутко улавливает биение пульса своего времени, страстно отзывается на боль и страдания людей. В своем искусстве он яроsten и нежен, открыт и беззащитен. И это, наверное, главное для художника.

МИНСК.

● Народный артист БССР
Валентин Елизарьев.

Фото С. Граховского.